

В городке был оркестр. Духовой. Прежде, когда танцевальная площадка располагалась отдельно от ДК, на высоком берегу реки, с центральной улицы к ней вела узкая тополевая аллея, призрачными и прозрачными северными июнями заметаемая нежнейшими из всех метелей на свете, под оркестр танцевали. Играл коллектив на парадах и в дни праздников, но самая главная задача была — торжественные похороны. Процессия двигалась медленно, золотом горели начищенные трубы, зайчики пробегали по сосредоточенным лицам музыкантов, усердно надувавших щёки, и обыватели на улицах частной застройки дружно высыпали к калиткам, издали слышав скорбные рыдающие звуки. А детвора, что стряпала куличи или в жирной голубой глине ближайшей лужи вир-

туозно мастерила ботфорты выше загорелых коленок и мушкетерские перчатки по локти, бросала все жизнеутверждающие дела свои и в ужасе зажимала грязными ладошками уши.

Петя в оркестре играл на трубе и свой инструмент любил. Любил и просто так, и потому ещё, что Петю он кормил. Зарплата заводского токаря была не самая большая, а за игру платили отдельно. Такой заработок в городке называли в силу неведомого языкового казуса тюркским словом «калым». Калымы были регулярны, как и смерти уважаемых лиц, чей достойный путь к последнему земному приюту родне и сослуживцам представлялся исключительно в сопровождении духового оркестра.

У трубача Пети была красавица жена Аня. Он привёз её из Москвы, которая хоть и на-

ходила почти под боком, однако говорила на другом, отличном от округлого волжского, наречии. Аня, как синичка, по-московски «тченькала», «дзенькала» и акала. И за долгие годы так и не ассимилировалась. Но состав населения в городке был настолько пёстрым, что особенности речи здесь никого не удивляли. Была Аня из тех женщин, для которых экономный 20 век подходил мало, её монументальной красоте шли бы античные покрывала и тоги, тяжелые складки нескучно отмеренных тканей. А платица выше колен хоть и открывали роскошные ноги, но выглядели неубедительно. Они были недостойны её красоты. Мужчин, правда, этот факт не смущал, их головы неизменно поворачивались вслед, как цветы за солнцем, однако вольностей допускать никто не осмеливался, Аня этого не любила.

Когда очередного усопшего с почестями предавали земле на заросшем густым березняком, дубками и рябинами тенистом городском кладбище, все имевшие касательство к событию по обычаю собирались за столами, помянуть. Музыкантам наливали щедро. И часто, часто Пете, которого природа наделила натурой тонкой и чувствительной, после пережитого и выпитого изменяли силы. Силы почему-то всегда оставляли его неожиданно и буквально в нескольких десятках метров от родного порога. Петя изнемогал и падал; когда дело случалось летом – в запylённые травы обочины, а зимой – в мягкие родимые сугробы возле тротуара. Сил хватало ровно на столько, чтобы унести непослушное тело подальше от шоссе, от оживленного транспортного движения. Заводская окраина этим фактом ничуть не была удивлена, ибо Петя в слабости своей был не одинок.

Буквально через несколько минут Аня уже знала о том, что Петя лежит и где его настигло.

А дальше нужно было решать, как транспортировать мужа домой. И стучала Аня к соседу и говорила:

– Вася, ПеЦя упал, пАмАги.

И Вася безропотно отрывался от футбола или хоккея – смотря по сезону – и шёл поднимать Петю. Святое дело. До любого доведись.

Закидывали они бессильные Петины руки себе на плечи и почти несли его, едва переступающего, эти несколько десятков метров. В пути случались потери. Словно вместе с хозяином ослабевал и ремень на худом Петиним животе, и тогда Аня, уже практически у порога, удивлённо говорила соседу Васе:

– Вася, а ПеЦя-тА без штанов... Вася, так на нём и сАпАжков-тА нет, да и нАсков... ПеЦя-тА Азя!

И Вася, на собственной спине внося страдальца в комнату и уложив на диван, возвращался собирать утраченные в ходе транспортировки предметы нехитрого соседского гардероба.

Бывало, если калымы вдруг выпадали уж слишком часто, уставала и Аня. И хоть была она натурой по-северному, по-русски уравновешенной, что-то, напоминавшее досаду, просыпалось вдруг в Анином любящем терпеливом сердце. Случалось, и сосед бывал на смене, когда Петю настигало в очередной раз. И тогда брала Аня, если дело по зиме, саночки, и шла за мужем одна. Приподняв и закатив тело, разворачивала санки, чтобы съехать с тротуара, – по обочине катить было куда легче, потому что в пору обильных снегопадов шоссейную дорогу чистили и прогребали грейдером. Петя, хоть и будучи в изнеможении, Анин маневр чутко улавливал, – чтобы выехать на дорогу, нужно было немного провезти санки в обратную от дома сторону, в сторону моста, ведущего из поселка. И тогда тревожно, слабым голосом окликал Петя с санок:

– Аня, ты куда меня везёшь?

– Туда, ПеЦя, туда, – отвечала в сердцах ему Аня, – туда, Аткуда ты пришёл. ДАвезу вот сейчас дА кладбища и в снежку там тебя и прикАпаю – умаялась я.

– Аня, подумай, что ты говоришь? Я же живой! Я только играл, а потом выпил и немного устал. Опомнись, Аня, не надо меня на кладбище! Я домой хочу.

И смеялась Аня, и поворачивала санки в нужную сторону, чтобы отогрелся Петя в тепле родного дома, и окреп силами, и завтра с утра привычно пошёл на работу, и чтобы добрая жизнь текла дальше...